

ки проявились в недавнем яде ереси, посеянном ими, когда они начали утверждать, что папа Урбан VI не является папой. Отверзите очи разума и узрите, что они лгут на своего главу... Если послушать, что они говорят. – будто Папу избрали из страха перед народом, – то это неправда, избрали его с соблюдением всех канонов...» [2, с. 88–89]. Еще более резко Екатерина обратилась к Иоанне Неаполитанской, причиной этому послужило то, что Неаполитанская королева первоначально оказав поддержку Урбану VI, вскоре отвернулась от него из-за его своевольия и чрезмерно резкого поведения. «Вы забыли наставления святого Духа и внимаете советам бесов во плоти... Росток, привитый к истинной лозе, ножом самолюбия вы были отрезаны от этой лозы, из законной дочери, нежно любимой наместником Христа на земле, папой Урбаном VI, истинным Папой и верховным понтификом, вы стали чужой, отделились от груди вашей матери святой Церкви... Увы, вас можно оплакивать как мертвую душой и телом, если не освободитесь от такого заблуждения» [2, с. 105–106]. Тем не менее, в других письмах к королеве Иоанне Екатерина уже в ином, более мягком, тоне просила Иоанну Неаполитанскую снова оказать поддержку истинному папе.

Особенно активно Екатерина обращалась с посланиями к Урбану VI, которого она считала истинным папой, в отличие от Климента VII: «Бесы во плоти избрали не Христа на земле, но породили Антихриста против Вас – Христа на земле» [2, с. 41]. Она призывала папу к преодолению своей нетерпимости, злопамятности, деспотизма, для того, чтобы обрести новых сторонников и вернуть тех, кто покинул его. Екатерина Сиенская неоднократно в своих письмах требует провести реформу церкви, начав с назначения на церковные должности достойных, добродетельных людей: «Когда надо назначить пастырей в сад святой Церкви, то пусть это будут люди, ищущие Бога, а не благ земных; и пусть те, кто таких мест добивается, пользуются честными, а не лживыми способами» [2, с. 37].

Также она призывает папу использовать все возможные способы и не останавливаться на пути к преодолению раскола и обновлению церкви. «Безо всякого страха устремляйтесь сквозь эти тернии... нет, не замедляйте шага из-за трудностей и если необходимо отдать жизнь, нужно с готовностью отдать ее» [2, с. 41].

Великая западная схизма являлась не просто внутрицерковным спором, а стала невиданным для того времени по своему масштабу общеевропейским конфликтом, в который оказались втянуты многие светские и духовные лица европейских государств. Такое событие не могло не вызвать бурную реакцию среди различных слоев населения Европы. Одной из тех, кто наиболее активно выражал свое мнение по поводу кризисной ситуации в католической церкви, была Екатерина Сиенская. Здоровье Екатерины было подорвано ее активной деятельностью: она не только обращалась с посланиями, но и лично встречалась адресатами своих писем в стремлении повлиять на неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в католической церкви.

Незадолго до своей смерти она сказала одному из своих сподвижников: «Причина моей смерти пожирающее меня пламенное рвение к церкви» [1, с. 188]. В итоге ей так не довелось стать свидетельницей восстановления единства католической церкви. Письма Екатерины можно назвать ценным источником по истории западного раскола, так как содержание писем ярко показывает мнение о текущем положении дел современницы этого события, которая прилагала серьезные усилия для восстановления единства церкви и предлагала меры необходимые, по ее мнению, для преодоления раскола.

1. Батлер, Ж. Екатерина Сиенская / Ж. Батлер / – СПб : тип. П. П. Сойкина, 1907. – 211 с.

2. Екатерина Сиенская. Письма / пер. А.В. Топоровой. – М. : Наука, 2013. – 509 с.

3. Топорова, А. В. Св. Екатерина Сиенская: Феномен социальной мистики / А. В. Топорова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 100–105.

Мартынюк А.В.

КТО ПОДАЛ ЖИЛЬБЕРУ ДЕ ЛАННУА ИДЕЮ ПОЕХАТЬ В НОВГОРОД, ИЛИ О ВАЖНОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа хорошо известен историкам из Восточной Европы, поскольку он совершил два путешествия по этому региону (в 1413–1414 и 1421 гг.) и оставил их описания. Во время первого путешествия он побывал во владениях Тевтонского ордена в Пруссии и Ливонии, а затем воспользовался возможностью проехать в Новгород в «Великой Руси» и Псков.

Из Пскова бургундский рыцарь вернулся в Ливонию, а затем проехал через земли Великого княжества Литовского, где посетил Вильну и Троки. Во время второго путешествия в 1421 г. Жильбер де Ланнуа, уже в качестве посла королей Англии и Франции, пересек Восточную Европу и встретился с польским королем Владиславом Ягайло и великим князем Витовтом. Описания этих путешествий были даны в автобиографическом произведении Жильбера де Ланнуа «Путешествия и посольства» («*Voyages et ambassades*») и являются ценным источником по истории Восточной Европы в начале XV века [см.: последнее издание памятника: 3, с. 195–241].

Остановимся на первом путешествии Жильбера де Ланнуа в 1413–1414 гг. Целью бургундского дворянина было участие в рейзе (походе) против врагов Тевтонского ордена. Фундаментальные исследования В. Паравичини показали, что «пруссские рейзы» играли важную роль в рыцарской культуре XIV – начала XV века [см.: 5; 6]. Жильбер де Ланнуа достиг своей цели: летом 1413 г. он принял участие в походе на владения померанского герцога и польского короля, был ранен и посвящен в рыцари. Источниками зафиксирована практика, когда «гости» Ордена, оставшиеся неудовлетворенными военными подвигами в Пруссии, следовали в Ливонию, чтобы принять участие в походе на русских «схизматиков» [5, S. 202–206]. Так поступил и Жильбер де Ланнуа, когда осенью этого же года отправился в Ливонию. Однако последовавшая затем поездка в Новгород и Псков является уникальной, не имеющей аналогов в истории крестовых походов на Балтике. Подчеркивая уникальность путешествия Жильбера де Ланнуа на Русь, исследователи не ставили вопрос, что (или кто) могло подтолкнуть его к этой идее. Сам Ланнуа называет в этом контексте магистра и ландмаршала ливонского отделения Ордена, но скорее как людей, способствовавших исполнению замысла, а не как инициаторов поездки: «И предпринял, при посредничестве названного магистра, поездку в Великий Новгород (Noegarde) в Руси (Russye) и поехал к ландмаршалу, который был в одном городе...» [3, с. 216]. На наш взгляд, мы можем указать человека, встреча с которым могла подать Жильберу де Ланнуа идею о поездке в Новгород.

Необходимо сказать несколько слов о политической ситуации в регионе. Весна и лето 1413 г. были сложным временем для Тевтонского ордена. Поражение в битве при Грюнвальде в 1410 г. подорвало военные силы Ордена, а Торуньский мир 1411 г. возложил на него тяжелое бремя денежных выплат в пользу Польского королевства и Великого княжества Литовского. Весна и лето 1413 г. прошли под знаком нарастания угрозы нового военного конфликта, что хорошо видно по материалам дипломатической переписки великого магистра Тевтонского ордена с правителями европейских государств (см. фонды Тайного государственного архива Прусского культурного наследия в Берлине за этот период [4]). В своих письмах магистр Генрих фон Плауэн обвинял короля Владислава Ягайло и великого князя Витовта в подготовке новой войны против Ордена. Одним из лейтмотивов этих обвинений было указание на союз Витовта с «языческими народами», среди которых названы Новгород, Псков и «весь русский народ». В одном из писем появляются «белые русские» (*Wissen Russen*), что давно привлекает внимание белорусской историографии как одно из самых ранних свидетельств генезиса хоронима «Белая Русь» [4, S. 245–246].

Информация орденских источников о ситуации на Руси весной 1413 г. чрезвычайно конкретна. Это позволяет предположить, что у магистра был хороший информатор о положении в Новгороде и Пскове. Изучение источников позволяет назвать имя этого информатора. 23 июля 1413 г. великий магистр пишет письмо чешскому королю Вацлаву IV, в котором просит того принять на службу «герцога Василия из Руси» (*herzog Wayssel von Russen*): сам магистр не мог этого сделать по условиям Торуньского мира, запрещавшего ему принимать врагов великого князя Витовта [4, S. 314]. Этим же днем датирована и сопроводительная грамота, выданная великим магистром «герцогу Василию» [4, S. 315]. Обращение к русским источникам позволяет установить, кем был этот враг Витовта. Под именем «герцога Василия» скрывается князь Федор Юрьевич, сын последнего независимого правителя Смоленского княжества Юрия Святославича. В 1412 г. он был приглашен новгородцами на княжение, однако вскоре был вынужден покинуть Новгород под давлением великого князя Витовта. Новгородская первая летопись младшего извода сообщает: «И князь Федоръ рече новгородцомъ: “о мне с с Витовтом нелюбья не держите; отыха в Немце”» [2, с. 404]. Обстоятельства драматической биографии князя Федора Юрьевича (в том числе и вопрос, почему он именуется в орденских документах «Василием») требуют дальнейшего исследования, которое будет предпринято нами в отдельной публикации. Для целей данной статьи важно, что Жильбер де Ланнуа во время своего пребывания в Пруссии имел возможность встретиться с русским князем из Новгорода – города, куда он в самое короткое время после этой встречи и отпра-

вился. Такая последовательность событий не кажется нам случайным совпадением, а может свидетельствовать о контактах русского князя и бургундского рыцаря, послуживших толчком к появлению у последнего идеи посетить Новгород.

Уточним даты. Князь Федор Юрьевич прибыл во владения Ордена в конце 1412 г. или начале 1413 г. и оставался там до 23 июля, когда получил сопроводительные письма великого магистра. Жильбер де Ланнуа прибыл в Пруссию в марте 1413 г. Поскольку военный поход откладывался, в конце мая он отправился в Данию. 24 июня Ланнуа приобрел в Дании четырех коней, после чего снова отплыл во владения Ордена. В начале июля он уже был в Пруссии: об этом свидетельствует письмо великого магистра герцогу Бургундии и бургундскому рыцарству от 10 июля 1413 г. В этом письме названы по именам несколько десятков бургундских рыцарей, в том числе Гуго де Ланнуа, родной брат Жильбера – эту информацию магистр мог получить только от самого путешественника [4, S. 292–295]. В Пруссии Жильбер де Ланнуа находился при дворе великого магистра («который принял меня хорошо»), совершил поездку по городам и замкам Пруссии, а затем принял участие в рейзе на польские земли, которая продолжалась 16 дней. Вскоре после возвращения войска из похода, сообщает Жильбер де Ланнуа, великий магистр был лишен своей должности [3, с. 212–215]. Поскольку дата отстранения от власти магистра Генриха фон Плауэна известна (9 октября), поход можно отнести к концу августа – сентябрю 1413 г. Таким образом, бургундский рыцарь и русский князь могли встретиться либо весной (март–май), либо летом (июль) 1413 года. Предпочтительной является вторая дата, поскольку источники – записки Жильбера де Ланнуа и сопроводительные письма, выданные князю Федору Юрьевичу, – однозначно свидетельствуют об их одновременном пребывании в Пруссии при дворе великого магистра Ордена. Все вышесказанное позволяет выдвинуть предположение, что бургундский рыцарь и русский князь встретились при дворе великого магистра Тевтонского ордена в Мариенбурге. Знакомство с князем Федором Юрьевичем, только что прибывшем из Новгорода, могло способствовать появлению у Жильбера де Ланнуа идеи посетить этот город. Выдвижение данного предположения и реконструкция исторического контекста стали возможными после сопоставления источников разного происхождения: записок Жильбера де Ланнуа, материалов архива Тевтонского ордена и новгородской летописи.

Имеет ли данный сюжет какое-то более широкое научное значение, помимо удовлетворения чистой «источниковедческой любознательности»? Как уже говорилось выше, в это время в орденских документах появляется упоминание «белых русских», одно из самых ранних в немецкоязычных источниках. Исследование А. Белого показало, что вопрос генезиса наименования «Белая Русь» весьма сложен, а самое первое достоверное упоминание этого хоронима в восточнославянских источниках относится к 1460-м годам. [1]. Отнесение зафиксированного в орденских документах упоминания «белых русских» к информации, полученной от князя Федора Юрьевича в 1413 г., позволяет удреветить на полстолетия дату бытования наименования «Белая Русь» на собственно восточнославянских землях.

1. Бели, А. Хроніка Беларусі: Імагалогія Беларусі XII–XVIII ст. / А. Бели. – Смаленск, 2013. – 468 с.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. – М.; Л., 1950. – 580 с.
3. Черкасов, Д.Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» / Д.Н. Черкасов // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 8. – Минск, 2015. – С. 195–241.
4. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. – XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv). – Ordensfoliant 6.

Черкасов Д.Н. **МЕССЕНСКИЕ ХРОНИКИ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА**

Среди западноевропейских нарративных источников периода Позднего Средневековья и Раннего Нового времени несомненный интерес представляют городские хроники Меца. С 1234 г. Мец являлся вольным имперским городом, одним из крупнейших в Священной Римской империи. Он имел свое правительство, вооруженные силы, финансы, проводил самостоятельную внешнюю политику. Все эти обстоятельства обусловили формирование в среде городского сословия гражданственности, патриотизма, интереса к истории родного города. Мец, как торговый, ремесленный, финансовой и религиозный центр региона, аккумулировал в своих стенах большое количество не просто грамотных, а по-настоящему образованных людей – торговцев, чиновников, священников,